

УДК 94(=16):373.3"19/20"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/11

НАРОДНОЕ ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ У СЛАВЯН В НЕСЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «СЛАВЯНСКИЙ ВЕК»)*

С.Ф. Фоминых¹, А.О. Степнов²

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Scopus Author ID: 56491025000

SPIN-код: 5503-6769

²E-mail: ASAOM@yandex.ru

SPIN-код: 3791-5941

Авторское резюме

На материалах журнала «Славянский век» рассматриваются особенности и специфика развития народного (школьного) образования славянских народов на территории Австро-Венгрии, Германской и Османской империй в конце XIX – начале XX в. Анализируется положение национальных школ, освещаются основные конфликты в этой сфере между властями империй и национальным образованием. В журнале нашли отражение вопросы развития школьного образования кашубов и лужицких сербов, прусских и австрийских поляков, хорватов, сербов, словенцев, чехов, словаков. Отмечается, что трудности в организации школьного образования славянских народов вызывались ущемлением в образовательном процессе родных языков, нехваткой преподавателей со знанием национальных языков, плохой материальной базой национальных школ, тяжелым положением частных национальных школ на

* Исследование выполнено в рамках Программы повышения конкурентоспособности ТГУ и при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (№ 14.В25.31.0009).

территории империй, противоречиями между славянскими народами. Рассмотрены формы и методы борьбы славян за национально ориентированные школы, за сохранение национальной самобытности и этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: «Славянский век», народные школы, славянские народы, германизация, мадьяризация, этнокультурная идентичность.

PUBLIC SCHOOL SLAVS IN THE NON-SLAVIC STATES IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES (IN THE MAGAZINE "SLAVIC CENTURY")*

S.F. Fominykh¹, A.O. Stepnov²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia¹E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

²E-mail: ASAOM@yandex.ru

Abstract

The article in the magazine "Slavic century" examines the features and specific development of the (school) education of the Slavic peoples on the territory of the Austro-Hungarian, German and Ottoman empires in the late XIX – early XX centuries. We analyze the situation of national schools, consider the main conflict in this area between the Empire and national entities. The magazine reflects the development of school education of Kashubians and Sorbs, Prussian and Austrian Poles, Croats, Serbs, Slovenes, Czechs, Slovaks. It is noted that the difficulties in the organization of the school of Slavic peoples were infringement in the educational process of native languages, shortage of teachers with the knowledge of the national languages, poor material base of national schools, the plight of private national schools in the empire, the contradictions between the Slavic nations. The were consider of the form and methods of struggle of the Slavs for nationally oriented schools, for the preservation of national identity and ethnic and cultural identity.

Keywords: "Slavic century", public schools, the Slavic peoples, Germanization, Magyarization, ethno-cultural identity.

* This research was supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program and the project "Man in a Changing World. Problems of Identity and Social Adaptation in History and at Present" (the RF Government grant Nr. 14.B25.31.0009).

Эпоха империй породила небывалый взлет культурного развития, монументально раздвинула границы цивилизации, разделив карту Европы и мира всего на несколько пестрых цветов. Для многих завоеванных народов это время оказалось наполненным тяжелыми испытаниями, от успеха в преодолении которых зависело сохранение той или иной культурно-исторической общности в истории и повседневности.

Славянские народы Центральной и Восточной Европы в начале XX в. имели статус завоеванных народов, зависимых в своем положении от воли и политики правительств. Столицы европейских монархий диктовали свои условия периферийным народам, преследуя в конечном итоге цель безоговорочного подчинения, а в исторической перспективе – и ассимиляцию подчиненных народов с социокультурной структурой титульной нации. В то же время естественным был и механизм ответного противостояния, которое проявлялось в стремлении к изысканию методов и созданию институтов сохранения кодов национальной идентичности.

Школы являются главным залогом жизни и развития каждого народа, тем низовым фундаментом, на котором закладывается будущее. Школьное образование соединяет разные поколения в единый организм, становясь при этом гарантией того, что могилы предков не будут заброшены, святыни не будут разрушены, а вера останется непопранной.

Основные вехи и содержание этого сложного процесса получили отражение на страницах единственного в начале XX в. всеславянского журнала «Славянский век», издававшегося в г. Вене (столице Австро-Венгерской империи) с 1900 по 1905 г.

Значительная составляющая содержания журнала приходилась на информационный блок, связанный с вопросами культуры. В нем были представлены очерки и статьи видных культурных деятелей славянского движения, писателей и публицистов, журналистов и общественных деятелей. Во всей многоплановости тематики четко выделяется тема школьного образования славян в неславянских странах.

Проблема сохранения самобытного народного школьного образования славянских народов в конце XIX – начале XX в. была актуальна прежде всего для Германской и Османской империй, а также Австро-Венгрии.

Характеристике положения славянских школ в Центральной и Восточной Европе была посвящена серия очерков И. Драгутиновича с общим тематическим заглавием «Школьное дело у славян в конце XIX столетия», опубликованных в этом журнале. В одной из первых

статей автор заметил, что к концу XIX в. «германцы подчинили своему игу и онемечили славянство от Везера до Одры» (Славянский век 1: 81).

В рассматриваемый период в Германии уже существовала система всеобщего обязательного школьного образования. Почти все государства Германской империи (королевства, вольные города, герцогства, княжества) имели собственный свод законов, регулирующих различные стороны школьного дела. Исключение составляли лишь королевства Пруссия и Бавария, в которых, несмотря на попытки выработать законы о народном образовании, решение многих важных вопросов из этой сферы входило в компетенцию местных администраций (Иолли 1900: 42–43).

Общеимперским являлся закон о надзоре за делом образования и воспитания (11 дек. 1872 г.) и несколько законов, оговаривавших финансовые и материальные стороны школьного образования, а также положение учителей.

Постановлениями «Общего земского уложения» устанавливались сроки обучения, согласно которым в некоторых частях Пруссии (за исключением восточной и западной) обязательное обучение было бессрочным и оканчивалось лишь тогда, «когда ребенок приобретал знания, необходимые для разумного человека его сословия» (Иолли 1900: 44). В то же время в Баварии и Вюртемберге срок обучения в школе ограничивался семью годами.

Преподавание, за исключением некоторых лотарингских и саксонских общин, в начальных школах Германии велось только на немецком языке. Поправки были сделаны лишь по конфессиональному критерию: Закон Божий, обязательный школьный предмет, читался на родном языке.

Содержание школ осуществлялось политическими общинами и особыми обществами, или специальными общинами, а также посредством выделения государственных субсидий. Как в Саксонии, так и в центральных районах Пруссии школьную общину в основном составляли жители определенных территориальных округов с одним вероисповеданием с условием присоединения представителей иных религий, не содержащих собственных школ (конфессиональные округа). Вместе с тем на территории Германии существовали и смешанные, неоднородные в религиозном плане общины и школьные округа (Иолли 1900: 46–47, 50). Обязанности и компетенция общин по содержанию школ определялись особыми административными правилами, которые оговаривали квалификацию и вознаграждение учителей, а также соотношение количества учеников и учителей (Иолли 1900: 50–51).

Назначение учителей осуществлялось правительством с тем условием, что в ряде государств Германии общинам было предоставлено право выдвигать собственных кандидатов на должность школьного учителя (в том числе в Пруссии и Саксонии). Дисциплинарная власть над школьным преподавательским корпусом осуществлялась административными учреждениями, отвечавшими за школьное дело.

Одним из важнейших инструментов сохранения идентичности является религия. И здесь мы встречаемся с комплексом противоречий германского школьного образования, в основе которых была конкуренция религиозного и светского начал в школе. С одной стороны, в Германии рассматриваемого периода было безоговорочно признано естественное право церковной власти руководить делом религиозного образования в школах (Иолли 1900: 59). Это положение представляется тем более важным, что одной из магистральных задач школьного образования Германской империи было дать религиозно-нравственное воспитание (Иолли 1900: 45). Вместе с тем германская власть прибегала к третьей стороне надзору не только за светским, но и за религиозным обучением. Это выражалось в проведении государственных экзаменов для учителей Закона Божьего, а также в посредничестве при коммуникации церкви и школы. Поражение в своих естественных правах церковь восполняла своим участием в управлении школами (Иолли 1900: 59–60).

Акцент на Пруссии и Саксонии в вышеприведенной характеристике был сделан не случайно. Именно в восточных регионах Германской империи проживали самые западные славянские народы. Возвращаясь к материалам журнала «Славянский век», стоит сказать, что среди славянских народов, проживавших в Германии, И. Драгутинович рассматривает лужицких сербов, кашубов и прусских поляков.

Лужские сербы, или серболужичане, представляли собой западнославянский союз племен, входивших в группу так называемых полабско-балтийских славян. Этот народ исконно обитал на территории нижне- и верхнелужицких земель, в конце XIX – начале XX в. входивших в состав Германской империи и принадлежавших Прусскому королевству, а также Саксонии.

После объединения Германии в 1871 г. серболужичане стали едва ли не первыми жертвами шовинистской нетерпимости со стороны правящих кругов империи. Правительство проводило систематическую политику искоренения славянских меньшинств, натравливала славянские народы друг на друга и, наконец, посредством школьной политики уничтожало культуру серболужичан (Лаптева, Кунце: 16). При этом стоит отметить, что тенденция к германизации лужицких славян имела глубокие исторические традиции: еще в первой поло-

вине XVIII в. король Пруссии Фридрих-Вильгельм I дважды (в 1714 и в 1735 гг.) издавал указы, дискриминировавшие лужицких сербов в Коттбусе (Славянский век 1: 82).

С 1875 г. в силезских школах Легницкого края были запрещены серболужицкие и серболужицко-немецкие учебники, было покончено с чтением на серболужицком языке. Более того, детям из семей лужицких сербов под страхом телесных наказаний и денежных штрафов запрещалось общаться на родном языке (Лаптева, Кунце: 16). Перелом намечался только в 1891 г., когда уездное правление Легницы вернуло школам право преподавать все предметы, кроме арифметики, на сербском языке. Однако практика школьного преподавания достаточно быстро продемонстрировала формальность этой меры: снятие запрета было компенсировано назначением немецких учителей в сербские школы.

В Саксонии школьным законом 1873 г. ограничивалось употребление в школах серболужицкого языка, который отныне сохранялся (это правило действовало со времен постановления саксонского правительства в 1849 г.) только при преподавании Закона Божьего в конфессиональных общинах в местностях с сербским церковным богослужением (Лаптева, Кунце: 16). Как отмечал И. Драгутинович в 1901 г., «если все-таки говорят о сербском школьном деле, то лишь постольку, поскольку сербский язык "терпит" еще до сих пор в некоторых народных школах как "вспомогательный" язык» (Славянский век 1: 81).

Политика германизации серболужичан также применялась при подготовке школьных учителей и священников в серболужицких приходах (евангелическая церковь).

Таким образом, в инициативах германской администрации мы встречаем целенаправленное движение в направлении ассимиляции и окончательного уничтожения «вендов» – полабских славян, проживавших в то время на востоке Германии (серболужичан, кашубов). По переписи 1890 г. общее число лужицких сербов составляло там 166 тыс. чел. Общее же количество школ, в которых к началу XX в. сохранялось частичное преподавание на серболужицком языке, не превышало 130. При этом наблюдалась тенденция к снижению последней цифры. С учетом незначительного изменения количества серболужичан к 1900 г. И. Драгутинович констатировал, что в Германской империи «на одну школу приходится по 800–1 100 сербов» (Славянский век 1: 82). Данную политику он именовал не иначе как «просвещенное варварство».

Вместе с тем нельзя не отметить разницу в условиях обучения серболужичан в школах, с одной стороны, в регионах Пруссии и в Саксонии – с другой.

В качестве отступления хочется сказать о том, что, несмотря на воздействие сил естественной и насильственной ассимиляции, серболужичанам к концу XX в. удалось сохранить собственный язык и культурные традиции.

Другим восточногерманским славянским народом, школьное дело которого в своих очерках описал И. Драгутинович, были прямые потомки древнего западнославянского племени поморян - кашубы.

В составе Германской империи кашубы заселяли прибрежные территории Балтийского моря от Гданьска до Кольберга, а также жили в некоторых других северных областях Германии. По вероисповеданию они были как лютеранами (именовали себя «кабатками»), так и католиками. В Германии начала XX в. из 200 тыс. кашубов приблизительно 187 тыс. исповедовали католическую веру (Славянский век 2: 105–106).

К началу XX в. кашубский язык можно было считать почти полностью исчезнувшим из употребления: он сохранялся только в одной померанской церкви. Имелось всего 40 школ с абсолютным большинством кашубов, а также 140 школ со значительной долей учащихся – представителей этой национальности. Преподавание в этих школах полностью велось на немецком языке с использованием «вспомогательного» польского.

Характерно также и тяжелое материальное состояние кашубских школ, лишенных школьной утвари и пригодных для занятий помещений. И. Драгутинович в связи с этим отмечал: «Благодаря особой заботливости блестящей немецкой культуры все школьное дело в землях кашубов находится в таком жалком состоянии, что школы обесславленных славян Балканских земель в сравнении с ними смело могут быть названы идеальными» (Славянский век 2: 106).

Аналогичным образом обстояли дела и в школах с прусскими поляками. В Германской империи польское население проживало в восточной части Пруссии, в Познанской провинции и большей части Силезии общей площадью более 70 тыс. км². Кроме этих исконных земель, около 300 тыс. поляков проживали большими колониями в некоторых провинциях Пруссии, в Берлине, Вестфальской области (Славянский век 3: 136).

В районах со смешанным немецко-польским населением богослужение в церквях осуществлялось как на польском, так и на немецком языке. Прусские почтовые чиновники принимали письма для внутригосударственного обращения только с адресами на немецком языке.

Подобная целенаправленная политика не могла обойти стороной и школьное дело поляков на территории Германии. Уже с 1 октября 1887 г. польский язык был полностью запрещен, или, как писал Дра-

гутинович, «изгнан» из польских школ. Исключение не было сделано даже для преподавания Закона Божьего. Ликвидация чисто польских школ сочеталась с полицейским и судебным преследованием частных учителей, обучавших польскому языку. «Произвол школьного начальства, – отмечал И. Драгутинович, – в этом отношении не знает никаких пределов» (Славянский век 3: 137).

В 1900 г. в Берлине было закрыто 8 польских частных школ. К началу XX в. начальные школы в польских провинциях Пруссии окончательно превратились в аппарат для онемечивания (Славянский век 3: 137).

Закономерным итогом «политики просвещенного варварства» должно было стать успешное завершение процесса германизации славянских народов на территории Германии. Ассимилируя славянские народы, немецкие власти предотвращали гипотетические возможности сепаратизма, стремились к грандиозной цели немецкой национальной абсолютизации, созданию монолитной нации.

Среди методов германизации и борьбы с традициями национального единства немецких поляков и славянства И. Драгутинович выделяет такие, как, например, административное вытеснение польского языка из обращения, просвещение детей младшего возраста в духе возвеличивания Германии и ненависти к России.

Для подготовки учителей в Германии устраивались подготовительные школы и учительские семинарии, имевшие конфессиональный характер. Правительственные органы осуществляли дисциплинарный контроль не только над школьным процессом, но и над подготовкой учителей (Июлли 1900: 52–54). В замыслах германских администраторов внедрение в образовательный процесс немецких учителей должно было ускорить процесс онемечивания. Так, в 11 учительских семинариях польских провинций подготавливались исключительно «заядлые» немецкие учителя (Славянский век 3: 138).

Конечно же, нельзя не признать того, что немецкие правительственные органы и учреждения изрядно преуспели в этой политике. Драгутинович писал: «Можно подивиться их непрестанной энергии, сплоченности, подвижности и изобретательности в этой хищнической борьбе» (Славянский век 3: 136–137).

Процесс же славянского сопротивления подобной политике носил неполитический, точно организованный характер, что во многом обуславливало его малую продуктивность. Тем не менее даже это символизировало борьбу славян за свое этнокультурное выживание.

Одним из примеров этого была организация частного обучения. Так, при евангелической учительской семинарии в Будишине на протяжении долгого времени подобным образом сербскому языку

обучал профессор К.А. Фидлер. В том же городе при католической семинарии сербский язык преподавал известный лужицкий деятель о. Михаил Горник (Славянский век 1: 82).

Делу сохранения древних обычаев, нравов, образа жизни кашубов служило и изданное Ф. Ценовым в 1878 г. собрание кашубских сказок, пословиц, поговорок и народных песен (Славянский век 2: 106).

Запрет в школьном образовании польского языка вызвал резкое недовольство со стороны родителей, которые в качестве протеста устраивали многолюдные собрания. Для оживления интереса ко всему национальному и противодействия политике германизации польскими женщинами в первой половине 1890-х гг. был создан единственный женский союз в Прусской Польше - «Общество для содействия просвещению девушек им. К. Марцинковского».

В 1894 г. для альтернативной подготовки педагогов и распространения польского языка было организовано общество «Варта», а затем такие общества, как «Читальня для женщин», «Лютня», «Приюты». Поляками на немецкой земле организовывались собственные детские сады, а для целей просвещения и трансляции новому поколению традиционно польской культуры в 1898 г. в Познани было основано «Общество общенародных чтений им. А. Мицкевича» (Славянский век 3: 137–138).

Таким образом, мы видим, что процесс сохранения собственной идентичности славян Германии в условиях культурной и административной экспансии варьировался от мер негативного, протестного характера (организации собраний протеста) до позитивных шагов низовой организации национально ориентированного просветительского процесса, а также собственных образовательных структур, альтернативных структурам официальным.

Если мы обратимся к Австро-Венгрии, то история школьного образования этой империи имеет несколько качественно различных этапов: от введения всеобщего обязательного образования и создания светских государственных школ и сети учительских семинарий, развития просвещения в царствование Марии Терезии до реакционной школьной политики времен Франца I, связанной с Великой Французской революцией.

Период становления школьной системы в Австро-Венгрии рассматриваемого периода приходится на 60-е гг. XIX в. Она регулировалась двумя законодательными актами. Имперский закон 25 мая 1868 г. определял отношение церкви к школе, а закон 14 мая 1869 г. устанавливал основные принципы народного образования для начальных школ. Делу организации школьного образования служили и местные законы австрийских земель (Июлли 1900: 107).

Начальные школы в Австро-Венгрии были во всех населенных пунктах, где в периметре одного часа ходьбы имелось более 40 детей. Управление школами империи в землях осуществлялось Министерством народного просвещения через высшие (земские) советы. В округах и общинах за школьное образование отвечали соответственно окружные и общинные школьные советы. Выбор председателя и местного инспектора народных школ осуществлялся членами местного школьного совета (общинного). Окружные школьные советы состояли из окружного начальника (председателя), директоров всех окружных школ, директоров средних и мещанских училищ, представителей учительского корпуса, представителей общинных старшин, а также представителей церковной власти – по одному для каждого существующего в округе вероисповедания (Иолли 1900: 108).

Прием учеников в начальную школу, а также назначение на публичные школьные должности в Австро-Венгрии осуществлялись без учета вероисповедания, что позволяет нам судить об интерконфессиональности австро-венгерских школ. При этом на должность начальника народных школ мог быть избран только человек, «имеющий право на преподавание Закона Божьего в духе того вероисповедания, к которому принадлежит большинство учеников данной школы» (Иолли 1900: 110).

Вопрос о языке преподавания и возможности изучения второго языка решался Высшим училищным советом. Вся учебная литература, употребляемая в частных и публичных школах, должна была быть одобрена правительственными учреждениями, заведующими школьным делом.

Для открытия частных школ требовалось разрешение Высшего училищного совета. Для этого также необходимо было соответствовать ряду требований, среди которых можно выделить такие, как соответствие начальников и учителей образовательному цензу, а программы частной школы – общим требованиям, предъявляемым государством к публичным школам (Иолли 1900: 112).

Таким образом, мы видим, что в Австро-Венгерской империи, как и в Германии конца XIX – начала XX в., в существенной степени произошел окончательный поворот в сторону светского и всеобщего образования. Для империй естественным стало понятие «школьная повинность». Общими были также тенденции к минимизации влияния церковных структур на школьный процесс. Противоречия между религиозным и светским влиянием в начальных школах Германии и Австро-Венгрии преодолевались в основном в пользу последнего.

Конечно же, в условиях унификации школьных систем в многонациональной Австро-Венгрии были неизбежны конфликты.

После освобождения школ от католического церковного надзора в 1868 г. школьное законодательство полностью перешло в ведение рейхсрата. По мнению И. Драгутиновича, «возможность придать народной школе национальный характер стала с тех пор для не немецких народов Австрии бесконечно трудной» (Славянский век 4: 47).

Задача сохранения национальной самобытности в школьном деле была наиболее актуальной для чехов, обитавших «в самом сердце Европы». «Чехи, – писал И. Драгутинович, – вынуждены были отстаивать горячей национально-политической борьбой каждую национальную школу» (Славянский век 4: 47).

В 1896 г. в Чехии, Моравии и Силезии (районы обитания чехов) общее число народных школ составляло 4 448. Согласно данным переписи 1890 г., приведенным Драгутиновичем, по одной чешской народной школе приходилось на 1 354 чеха, проживавших в Чехии, 964 – в Моравии, 1 100 – в Силезии и 31 160 чехов – в Нижней Австрии. Существовало всего 16 учительских семинарий, где преподавание велось на чешском языке (12 – в Чехии и 4 – в Моравии). Всего в Австро-Венгрии при чешском населении более 5 млн чел. на одну народную школу приходилось 1 229 чел. (Славянский век 4: 48).

Проблемы с языком и преподавателями имелись также и в средних учебных заведениях для чехов: гимназиях, реальных училищах и реальных гимназиях. Однако они не были такими острыми, как в народных школах. Этим обуславливалось и то, что борьба чехов за национальную школу «велась именно из-за народных школ» (Славянский век 4: 49).

Для разных славянских народов, находившихся под властью Австро-Венгерской монархии, таких, как австрийские поляки, словаки, хорваты, сербы, проблемы народного образования были во многом сходны. Они концентрировались вокруг несоответствия количества школ общей численности славян, ущемления родного языка в национальных школах, вопросов религиозного воспитания, наконец, несовершенства школьных программ.

Вместе с тем в отношении каждого отдельно взятого народа можно выделить специфические черты межэтнических столкновений в контексте организации национально ориентированного школьного процесса. Интерес представляет положение народных школ в Галиции. Там с первым созывом сейма (1865 г.) польский язык был признан единственным языком преподавания в народных и средних школах. Школьному совету Галиции были предоставлены широкие административные функции (указ 25 июня 1867 г.). Совет пользо-

вался поддержкой Общества народной школы и Польской матицы (Хейфиц 1915: 39, 40).

В регионе была значительная доля русского населения (3 млн русских (русинов)), а школьное дело поставлено было плохо. Об этом свидетельствовал тот факт, что в 1900 г. среди населения Галиции 63,7 % жителей были безграмотными (Славянский век 5: 167).

Правительство в этом регионе взамен курсу на германизацию предоставило польской администрации возможности вести воспитание подрастающего поколения в духе враждебности к России. «Польские учебные заведения оберегают юношество от славянского самосознания, – отмечал И. Драгутинович. – Воспитывая молодежь в крайне шовинистическом духе, направленном главным образом против России, польские школы являются скорее тормозом славянского движения, чем рассадником истинно славянского просвещения» (Славянский век 5: 168). Даже в русских школах преподавание велось на польском языке (Свистун 1896: 654).

Важным аспектом тактики сраживания была также игра на польско-чешских противоречиях.

Таким образом, межэтнические столкновения на территории Центрально- и Восточноевропейских империй развивались по схеме противостояния центра и периферии. Важным элементом конфронтации стало и межславянское столкновение, что было результатом целенаправленной политики империй.

Для словаков, занимавших земли между Татрами и Дунаем, деградация национальной школы была связана с так называемой мадьяризацией, главным инструментом которой стало навязывание венгерского языка в преподавании в народных школах и учительских семинариях (Славянский век 6: 205).

Мадьяризации на рубеже XIX–XX вв. подверглись также и венгерские словенцы. Венгерское правительство учреждало чисто венгерские учительские семинарии, готовившие учителей, не знавших ни одного славянского языка, применяло меры материального стимулирования школьных преподавателей, ведших учебный процесс исключительно на венгерском языке (Славянский век 8: 330).

В Истрии, например, несмотря на численное превосходство хорватов (140 тыс. хорватов и 50 тыс. словенцев против 120 тыс. итальянцев), большинство мест в региональном сейме принадлежало итальянцам, что позволяло им контролировать школьную сферу и отстаивать в ней прежде всего собственные национальные интересы. В итоге в конце XIX в. почти 18 тыс. хорватских и словенских детей «были лишены возможности получить образование в своих школах» (Славянский век 7: 328).

Тяжелым было положение словенских школ в Триесте, где проживало около 50 тыс. словенцев. Дети словенских семей вынуждены были посещать итальянские школы. Организация массового съезда в Триесте, в котором приняли участие около 8 тыс. чел., обращения к императору с просьбой изменить положение словенских детей в школьном процессе не возымели должного эффекта. Как отмечала Терезина Ленко, «словенцы были готовы оружием и кровью добиться того, что правительство должно было дать законным путем» (Славянский век 11: 139)

Внимания заслуживает и судьба одного из крупнейших разделенных славянских народов того времени – сербов. Сербы Габсбургской монархии были лишены малейшей возможности иметь собственное школьное образование (Славянский век 9: 276, 277).

Правительство Боснии и Герцеговины, освобожденной от османского владычества в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг., пошло по пути преодоления существовавшего во время турецкого владычества устройства школ по религиозному принципу. Был взят курс на воспитание в духе «национального и религиозного индифферентизма» (Славянский век 9: 275). Развитию школьного дела в духе национального воспитания препятствовал недостаток материальных средств.

В Македонии, когда она входила в Османскую империю, школьное дело у сербов поддерживалось и организовывалось самим народом. Постоянные сербские народные и средние школы существовали в Константинополе. Но при 400 тыс. православных, проживавших в начале XX в. в Константинополе, существовала всего одна русская 4-классная начальная школа. Славянские публицисты указывали на необходимость открытия русских просветительских институтов в Константинополе, бывшем «одним из важнейших звеньев культурно-исторической жизни» России (Славянский век 10: 260).

Сопrotивление этнокультурной экспансии Австро-Венгерской монархии стало одной из важнейших задач славянских народов. Запрет на создание чешских школ обернулся созданием в 1881 г. Чешской школьной матицы – национально-просветительского общества, которое на добровольные средства учреждало и содержало национальные школы чехов. В течение 23 лет существования в школах матицы обучались более 13 тыс. детей. В 1903 г. матица содержала 64 приюта, 52 школы со 118 классами (в Чехии – 92 класса, в Моравии – 10, в Силезии – 3 класса). Матица функционировала в основном за счет пожертвований. Так, бывший же счетовод пражской Школьной матицы Ф. Млчох даровал чешской торговой школе в Берне (Моравия) 6 000 крон для того, чтобы процент с этого капитала шел на награ-

ждение учеников, показавших высокие успехи в изучении русского языка (Славянский век 13: 187,188).

Для воспитания русофильской молодежи в Галиции создавались бursы, которые обеспечивали условия для комфортного обучения. В начале XX в. во Львове функционировали 3 бursы для мальчиков – Ставропигион, Народный дом, Селянская и одна для девочек – Пансион русских дам (Пашаева 2001: 127).

Словацкий язык, ущемлявшийся венгерскими властями, в определенный момент «находил себе приют» в высших учебных заведениях и семинариях Будапешта, Гране, Нитре, Банска-Быстрице, где создавались славянские общества семинаристов для изучения родного языка. Однако вскоре последовал запрет семинаристам даже говорить на родном языке (Славянский век 6: 205–206).

Противодействие со стороны славянских народов Австро-Венгрии, как и рассмотренной ранее Германской империи, в основном выражалось в низовой народной самоорганизации, носившей частный, автономный характер.

В то же время в среде славянской интеллигенции к началу XX в. особую силу приобрели универсалистские настроения, направленные на поиск духовного фундамента, который стал бы платформой для интеграции славянских народов Европы, достижения всеславянского культурно-просветительского единства на базе Всеславянского союза с общей культурой и политикой.

В одной из заметок, написанных учителем С.С. Илькичем, напечатанной в «Славянском веке», обращалось внимание на необходимость установления более тесных коммуникаций между славянскими педагогами и организации для этой цели всеславянских съездов учителей. Он также высказал предложение признать русский язык общеславянским (Славянский век 11: 444).

И здесь необходимо затронуть другую важную проблему. Только универсализация, объединение славянских народов на единой национальной почве, консолидация с целью сохранения идентичности могли уберечь каждый отдельный славянский народ от размывания внутренних культурных связей под ярмом европейских империй.

Барон М.Ф. Таубе в статье «Славянская рознь и славянская связь» отмечал: «Несмотря на свое многообразие и печальную разрозненность, славянство по своей сути и историческим судьбам обладает удивительной внутренней связью» (Славянский век 14: 130). Одной из причин пошатнувшегося единства Таубе считал раздробление славянского языка, а также заимствование от латинства чуждых славянам элементов.

Бесспорно, язык, наряду с верой и религией, является одним из столпов национального единства. В связи с этим актуальным становился вопрос о составлении общеславянской азбуки с целью укрепления просветительской, культурной связи между славянскими народами. «Если действительно суждено славянству соединиться в одно целое на почве собственного просвещения, культуры и цивилизации, – писал М.Ф. Таубе, – то такое объединение случится не иначе, как путем умственного и литературного сближения» (Славянский век 15: 139). Несмотря на трудности создания всеславянской азбуки (по сути, общего языка), усилия многих исследователей двигали этот процесс вперед (например, азбука Гильфердинга). Для продолжения творческих поисков в этом направлении Таубе предлагал использовать платформу «Славянского века» (Славянский век 15: 140).

Среди тех, кто на страницах журнала «Славянский век» затрагивал проблему создания общеславянского языка, был академик И.В. Ягич.

Так или иначе, но этот удивительный по своему содержанию поиск общего языка не выходил за грани публицистических и научных дискуссий и творческих поисков. В сущности, он являлся органической частью другого более крупного процесса формирования общеславянской культурной и политической идентичности. Однако ретроспективный взгляд на историю XX в. (особенно после окончания Первой мировой войны) дает основание для вывода о том, что общеславянские замыслы, к сожалению, оказались нежизнеспособным проектом.

Что касается народного школьного образования у славянских народов, то оно в условиях их разобщенности и зависимости от империй, на территории которых они проживали, падало на плечи отдельных людей или локальных групп. Представители славян в самых разных районах Германии, Австро-Венгрии и Османской империи своими частными инициативами могли лишь поддерживать его относительную жизнеспособность. Сопrotивление политике ассимиляции выражалось в создании частных школ, бурс и матиц, в организации неофициального учебного процесса, наконец, в прямых акциях протеста, принимавших подчас политические оттенки.

Таким образом, на основании анализа публикаций в журнале «Славянский век» можно сделать вывод о том, что к началу XX в. школьное дело славян Восточной Европы находилось в тяжелом положении. В борьбе за сохранение собственной идентичности в области школьного образования им приходилось оказывать сопротивление политике властей, стремившихся разжечь межславянскую рознь. Но даже после крушения Германской и Австро-Венгерской империй этот процесс не прекратился, положив начало качественно новым межэтническим столкновениям на востоке Европы.

ЛИТЕРАТУРА

Иолли 1900 - *Иолли Л.* Народное образование в разных странах Европы. СПб.: Книгоиздательство и книжный магазин О.Н. Поповой, 1900. 192 с.

Лаптева, Кунце - *Лаптева Л.П., Кунце П.* История серболужицкого народа с древнейших времен до наших дней // Кафедра славистики и центральноевропейских исследований Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета. URL: <http://slavcentere.ru/Proba/ucheba/kursy/Serboluzhijstija.pdf> (дата обращения: 31.10.2015).

Пашаева 2001 - *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: Гос. публ. ист. б-ка России. 2001. 201 с.

Свистун 1896 - *Свистун Ф.И.* Прикарпатская Русь под владением Австрии. Львов: Типография Ставропигийского института, 1896. Ч. 2. 744 с.

Славянский век 1 - *Драгутинович И.* Школьное дело у славян в конце XIX века. II. Лужицкие сербы // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 27. С. 81–83.

Славянский век 2 - *Драгутинович И.* Школьное дело у славян в конце XIX века. III. Кашубы // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 28. С. 105–107.

Славянский век 3 - *Драгутинович И.* Школьное дело у славян в конце XIX века. IV. Прусские поляки // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 29. С. 136–139.

Славянский век 4 - *Драгутинович И.* Школьное дело у славян в конце XIX века. I. Чехи // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 26. С. 46–50.

Славянский век 5 - *Драгутинович И.* Школьное дело у славян в конце XIX века. VII. Австрийские поляки // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 30. С. 167–168.

Славянский век 6 - *Драгутинович И.* Школьное дело у славян в конце XIX века. VIII. Словаки // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 31. С. 204–206.

Славянский век 7 - *Драгутинович И.* Школьное дело у славян в конце XIX века. XI. Хорваты // Славянский век. Всеславянский журнал. 1902. Вып. 35–36. С. 328–330.

Славянский век 8 - *Драгутинович И.* Школьное дело у славян в конце XIX века. XII. Словенцы // Славянский век. Всеславянский журнал. 1902. Вып. 35–36. С. 330–332.

Славянский век 9 - *Драгутинович И.* Школьное дело у славян в конце XIX века. X. Сербы // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 33–34. С. 275–278.

Славянский век 10 - *Яковлев В.И.* Константинополь как аванпост славянский // Славянский век. Всеславянский журнал. 1904. Вып. 81. С. 258–261.

Славянский век 11 - *Иенко Т.* Школьные отношения в Триесте // Славянский век. Всеславянский журнал. 1902. Вып. 53. С. 138–139.

Славянский век 12 - Из писем в редакцию. Учителя на службе у славянства //

Славянский век. Всеславянский журнал. 1902. Вып. 39–40. С. 443–444.

Славянский век 13 - Чешская школьная матрица // Славянский век. Всеславянский журнал. Вып. 77. 1904. С. 187–188.

Славянский век 14 - Таубе М.Ф. Славянская рознь и славянская связь // Славянский век. Всеславянский журнал. 1904. Вып. 77. С. 130–135.

Славянский век 15 - Таубе М.Ф. Всеславянская азбука // Славянский век. Всеславянский журнал. 1902. Вып. 53. С. 139–141.

Хейфиц 1915 - Хейфиц Ю.Я. Галиция. Политическое, административное и судебное устройство. Пг.: Сенатская типография, 1915. 63 с.

REFERENCES

Iolli, L. (1900) *Narodnoe obrazovanie v raznykh stranakh Evropy* [Education across Europe]. St. Petersburg: O.N. Popova.

Lapteva, L.P. & Kuncce, P. (n.d.) *Istoriya serboluzhitskogo naroda s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Sorbs from ancient times to the present]. [Online] Available from: <http://slavcenteur.ru/Proba/ucება/kursy/Serboluzhitorija.pdf> (Accessed: 31st October 2015).

Pashaeva, N.M. (2001) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv.* [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. Moscow: State Public Historical Library of Russia.

Svistun, F.I. (1896) *Prikarpat'skaya Rus' pod vladeniem Avstrii* [Carpathian Rus under the rule of Austria]. Lviv: Stauropigion Institute.

Dragutinovich, I. (1901a) *Shkol'noe delo u slavyan v kontse XIX veka. II. Luzhitskie serby* [Schools of the Slavs in the late 19th century. II. Sorbs]. *Slavyanskiy vek*. 27. pp. 81-83.

Dragutinovich, I. (1901b) *Shkol'noe delo u slavyan v kontse XIX veka. III. Kashuby* [Schools of the Slavs in the late 19th century. III. Kashuba]. *Slavyanskiy vek*. 28. pp. 105-107.

Dragutinovich, I. (1901c) *Shkol'noe delo u slavyan v kontse XIX veka. IV. Prusskie polyaki* [Schools of the Slavs in the late 19th century. Prussian Poles]. *Slavyanskiy vek*. 29. pp. 136-139.

Dragutinovich, I. (1901d) *Shkol'noe delo u slavyan v kontse XIX veka. I. Chekhi* [Schools of the Slavs in the late 19th century. I. Czechs]. *Slavyanskiy vek*. 26. pp. 46-50.

Dragutinovich, I. (1901e) *Shkol'noe delo u slavyan v kontse XIX veka. VII. Avstriyskie polyaki* [Schools of the Slavs in the late 19th century. Austrian Poles]. *Slavyanskiy vek*. 30. pp. 167-168.

Dragutinovich, I. (1901f) *Shkol'noe delo u slavyan v kontse XIX veka. VIII. Slovaki* [Schools of the Slavs in the late 19th century. Slovaks]. *Slavyanskiy vek*. 31. pp. 204-206.

Dragutinovich, I. (1901g) *Shkol'noe delo u slavyan v kontse XIX veka. XI. Khorvaty* [Schools of the Slavs in the late 19th century. Croats]. *Slavyanskiy vek*. 35–36. pp. 328-330.

Dragutinovich, I. (1902) *Shkol'noe delo u slavyan v kontse XIX veka. XII.*

Sloventsy [Schools of the Slavs in the late 19th century. Slovenians]. *Slavyanskiy vek.* 35–36. pp. 330–332.

Dragutinovich, I. (1901h) Shkol'noe delo u slavyan v kontse XIX veka. X. Serby [Schools of the Slavs in the late 19th century. Serbs]. *Slavyanskiy vek.* 33–34. pp. 275–278.

Yakovlev, V.I. (1904) Konstantinopol' kak avanpost slavyanskiy [Constantinople as a Slavic outpost]. *Slavyanskiy vek.* 81. pp. 258–261.

Ilenko, T. (1902) Shkol'nye otnosheniya v Trieste [School relations in Trieste]. *Slavyanskiy vek.* 53. pp. 138–139.

Anon. (1902) Iz pisem v redaktsiyu. Uchitelya na sluzhbe u slavyanstva [Letters to the Editor. Teachers in the service of the Slavs]. *Slavyanskiy vek.* 39–40. pp. 443–444.

Anon. (1904) Cheshskaya shkol'naya matitsa [Czech's school matica]. *Slavyanskiy vek.* 77. pp. 187–188.

Taube, M.F. (1904) Slavyanskaya rozn' i slavyanskaya svyaz' [Slavic strife and Slavic connection]. *Slavyanskiy vek.* 77. pp. 130–135.

Taube, M.F. (1902) Vseslavyanskaya azbuka [The Slavic alphabet]. *Slavyanskiy vek.* 53. pp. 139–141.

Kheyfits, Yu.Ya. (1915) *Galitsiya. Politicheskoe, administrativnoe i sudebnoe ustroystvo* [Galicia. The political, administrative and judicial structure]. Petrograd: Senatskaya tipografiya.

Фоминых Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия).

Fominykh Sergey – Tomsk State University (Tomsk, Russia).

E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Степнов Алексей Олегович – бакалавр истории, магистрант исторического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия).

Stepnov Alexey – Tomsk State University (Tomsk, Russia).

E-mail: ASAOM@yandex.ru